

Уезд Юаньхай, деревня Ся Бэнь.

Ли Хунмэй родилась в семье, которая была неприемлемой в глазах общества. Ее мать, Кан Симей, впервые попала в деревню Ся Бэнь как жертва торговли людьми.

И такой вид "торговли" не был редкостью в деревне Ся Бэнь. Мужчины покупали женщин, или родители покупали молодых жен для своих сыновей. Несчастные жертвы становились просто орудием деторождения в этой отсталой рыбацкой деревне, и почти все они так и не обрели счастья.

Кан Симей была исключением. Она нашла небольшое благословение среди всех своих несчастий.

Она была из соседней страны, не говорила на мандарине и страдала тяжелыми психологическими заболеваниями. Так как она была дешевой, дед Ли Хунмэй купил ее для Ли Гуочжуна.

Хотя жена была куплена для него, Ли Гуочжун хорошо относился к Кан Симэй. Он не заставлял ее страдать от его рук, а после того, как они подтвердили свои отношения, он не искал внебрачных связей с другими женщинами.

Другие мужчины в деревне высмеивали Ли Гуочжуна за его отношение к жене. Они насмехались и напоминали ему, что женщины — это просто товар, которым можно обладать. Раз она уже куплена для него, он должен пользоваться ею хорошо, а если она сломается, то просто получить замену. Какой смысл так хорошо относиться к женщине?

Ли Гуочжун всегда отвечал, что Кан Симей — его жена. Член его семьи. И уж точно не товар.

Кан Симей ничего не могла понять, но она могла смеяться в дни, проведенные с Ли Гуочжуном.

Вскоре у них появились дети Ли Ляньгоу и Ли Хунмэй, и они стали счастливой и гармоничной семьей из четырех человек.

Когда Ли Хунмэй была маленькой, у ее матери Кан Симэй редко случались приступы. Возможно, это было связано с китайскими лекарствами, которые Ли Гуочжун хранил в доме, а возможно, с теплой обстановкой в доме. Независимо от причины, она обычно была заботливой и любящей матерью для своих детей.

Деревня Ся Бэнь находилась недалеко от моря, и большинство ее жителей зарабатывали на жизнь рыбалкой. Ли Гуочжун и Ли Ляньгоу, оба энергичные и полные сил, усердно трудились, каждый день вылавливая хороший улов, чтобы обеспечить своей маленькой семье относительно безбедную жизнь.

Ли Хунмэй родилась некрасивой, но она была умным и внимательным ребенком. До трагедии, обрушившейся на ее семью, можно сказать, что у нее было счастливое детство.

Ли Гуочжун никогда в жизни не читал книг, он был неграмотным. Его любимым занятием, когда у него было свободное время, было слушать, как "образованные" люди описывают миры из всех прочитанных ими книг. Он был простым, но открытым человеком, и мог легко завязать разговор практически с любым человеком.

Сейчас в деревне Ся Бэнь царили архаичные и устаревшие традиции, но еще десять лет назад она была еще больше отсталой. С атмосферой старинной рыбацкой деревушки, она иногда привлекала туристов с рюкзаками, которые проезжали мимо и заглядывали к ним на экскурсию.

В основном это были студенты, хотя иногда заглядывали и пожилые пенсионеры. Эти туристы оставались в деревне на некоторое время, чтобы испытать ощущение возвращения в прошлое, а затем уезжали, когда им все надоедало.

Жители деревни называли их "чужаками".

В глазах Ли Гуочжуна каждый чужак был образованным и культурным человеком. Он любил приглашать этих чужаков в свой дом и часто звал Ли Хунмэй и Ли Ляньгоу из дома, чтобы посидеть с ними во дворе за чаем и беседой.

Среди этих "чужаков" когда-то была одна женщина. Она была белой служащей по имени А-Шэнь. Она сказала им:

— Знания могут изменить ход судьбы. Особенно для маленьких девочек.

В то время для девочек, родившихся в деревне Ся Бэнь, судьба сводилась к тому, чтобы однажды выйти замуж и потерять всякое чувство индивидуальности.

Услышав, как А-Шэнь восхваляет достоинства знаний, Ли Гуочжун спросил Ли Хунмэй и Ли Ляньгоу, не хотят ли они покинуть деревню и пойти в школу.

Ли Ляньгоу был честным и прямолинейным молодым человеком, но он был простоват и медленно говорил. Он уже перешагнул идеальный возраст для поступления в школу, и все, чего он действительно хотел, — это честно зарабатывать на жизнь трудолюбивым рыбаком. Когда у него будет достаточно сбережений, он хотел найти себе жену как положено — не покупая женщину, как его отец.

Ли Гуочжун одобрил его решение.

С другой стороны, Ли Хунмэй в то время было всего лет пять. Она всегда смотрела на

различные книги, которые приносили чужаки, с глубокой тоской в глазах.

— Папа, я хочу пойти в школу, — сказала она. — Я хочу ходить и учиться, хочу поступить в колледж и стать врачом, как А-Шэнь!

Ли Гуочжун тоже был в восторге от этого решения, но он поддразнил ее:

— Значит ли это, что Хунмэй хочет оставить нас?

Ли Хунмэй на мгновение задумалась и ответила:

— Нет, я не могу.

— Тогда ты все еще хочешь покинуть деревню?

— Сестра А-Шэнь сказал, что знания могут изменить судьбу. Я не хочу выходить замуж, поэтому стану врачом, а потом вернусь в деревню и заберу вас всех с собой жить во внешнем мире!

Ли Гуочжун засмеялся и подозвал Кан Симэй:

— Смотри, видишь? Наша дочь — такой перспективный ребенок.

Кан Симей не умела хорошо говорить. Единственным ее ответом была теплая, нежная улыбка.

Ли Гуочжун продолжил:

— Тогда твой папа и твой старший брат позаботятся о том, чтобы накопить на твоё обучение.

— Хорошо! — радостно воскликнула Ли Хунмэй.

Ее отец и брат были людьми слова. Если они давали обещание, то выполняли его. Они стали работать еще усерднее и все чаще отправлялись в море на рыбалку, чтобы накопить на обучение единственной дочери. День за днем росла и Ли Хунмэй. Хотя нельзя было отрицать, что она некрасива, она все больше и больше читала, и "чужаки" регулярно делали ей комплименты по поводу ее интеллекта.

Когда Ли Ляньгоу было двадцать лет, он подружился с соседской девушкой Ли Чуньян.

К сожалению, за красавицей уже ухаживал сын старосты деревни по имени Ли Шусянь.

По внешности и семейному положению Ли Ляньгоу не мог соперничать с Ли Шусянем. Но в итоге Ли Чуньян выбрала Ли Ляньгоу. Она видела в нем более надежного и стойкого человека, который станет хорошим мужем на всю жизнь.

Но тут ее постигло несчастье.

Ли Шусянь уже много лет был угрозой для деревни Ся Бэнь. Слухи о его дурной репутации дошли даже до соседних деревень. Он преследовал Ли Чуньянь не потому, что хотел жениться на ней, а потому, что она была самой красивой незамужней женщиной в деревне Ся Бэнь. Завоевав Ли Чуньян, он мог выставить себя в лучшем свете, а используя ее, он мог так же легко ее бросить.

Когда Ли Чуньян выбрала Ли Ляньгоу, Ли Шусянь был унижен до глубины души. Ядовитая зависть наполнила его сердце.

Двенадцать лет назад, в конце летнего сезона, Ли Шусян похитил Ли Чуньян и заманил Ли Ляньгоу на пустынный холм. Но там Ли Ляньгоу ждала не Ли Чуньян, а банда головорезов, которых Ли Шусян нанял в соседней деревне.

Ли Гуочжун боялся, что с его сыном что-то случится, и пошел за Ли Ляньгоу на холм.

Но для бандитов не имело значения, явился ли сын один или сын и отец вместе. Они были избиты почти до неузнаваемости; экспертиза подтвердила, что они были жестоко избиты тупым тяжелым оружием.

Когда Ли Шусянь заманил Ли Ляньгоу на холм, многие, возможно, даже большинство, в деревне знали об этом. Их можно было считать очевидцами, и Ли Чуньян, конечно, знала правду о случившемся.

Но все они держали свои уста на замке.

Ли Хунмэй в то время было всего девять лет. Она могла только смотреть, как ее престарелый дед умирает от ярости и разрыва сердца. Она ничего не могла сделать, пока ее нездоровую, но обычно добрую мать до смерти загрызли дикие собаки.

Своим детским, наивным голосом она продолжала настаивать перед полицейскими, которые приехали расследовать дело:

— Мой папа и мой старший брат были убиты Ли Шусянем! Пожалуйста, поверьте мне, это действительно был Ли Шусянь! Если вы мне не верите, спросите у сестры Чуньянь!

Ли Чуньян плакала горькими слезами, но она не только отказалась назвать Ли Шусяня виновным, но и встала рядом с ним и защищала его:

— Шусянь в это время был у меня дома. Он играл в маджонг с моими братьями и сестрами. Мы все можем подтвердить, что он не имеет к этому никакого отношения. Ляньгоу был убит "чужаками".

Полиция приходила и уходила, не раскрывая правды. Ли Хунмэй осталась только ложь: ее отец и брат поссорились с группой чужаков, которые убили их из-за их спора. Ей сказали, что полиция не пожалеет средств на преследование этих "чужаков".

Это якобы преследование продолжалось двенадцать лет.

Но вся деревня четко знала, кто был настоящим убийцей. И настоящему убийце все сходило с рук.

— Мы были всего лишь небольшой деревней, но у нашего деревенского старосты все еще хватало власти, чтобы скрыть преступление своего сына одним взмахом руки. Вы мне верите? — спросила Ли Хунмэй, закончив рассказывать свою историю. Ее глаза были красными и опухшими. — Всего за один короткий месяц я потеряла всю свою семью. Свидетелей было бесчисленное множество, но что это меняет? Мой брат погиб, чтобы спасти Ли Чуньян, но даже она не осмелилась рассказать правду. Свет надежды никогда не озарял ту маленькую рыбацкую деревню, и особенно он не озарял меня. Мне было всего девять лет, и я осиротела. Без семьи, без дома. Как бы я ни кричала и не плакала, чиновники не слушали и не заботились обо мне. Они только и знают, что защищать друг друга, и из-за них моя семья никогда не сможет покоиться с миром!

Задолго до того, как Ли Хунмэй начала рассказывать свою историю, Минг Шу уже составил общее представление о том, что случилось с ее семьей. В таких отсталых деревнях, как деревня Ся Бэнь, подобное случалось часто. Менялись только детали.

Но услышать от Ли Хунмэй трагическую историю гибели ее семьи и рассказать об их обычной жизни до того, как их постигла эта трагедия, было достаточно, чтобы любой задохнулся. На долю секунды горе, вызванное ее словами, стало удушающим.

С того момента, как были убиты ее отец и брат, жизнь Ли Хунмэй безвозвратно изменилась.

— Ты знаешь, почему эти монстры ничего не сделали с таким ребенком, как я? — требовала Ли Хунмэй, дергая себя за растрепанные волосы. — Не потому, что они пожалели меня как сироту. И не потому, что хотели оставить в моей семье хоть одного выжившего. А просто потому, что я уродлива!

Даже Минг Шу сначала не мог понять логику этих слов.

Это была логика злых и проклятых.

— Внешность. Красота. Это корень всех зол, — заявила Ли Хунмэй. — Если бы я была красивой, я бы, наверное, уже была мертва — либо убита, либо забита до смерти грязными мужиками из той деревни. Но эти ублюдки думали, что раз я уродлива, то в жизни меня не ждет ничего, кроме страданий. Я никак не могла вырваться из этой адской дыры. Они думали, что, оставив меня в живых, я буду страдать больше, чем если бы они убили меня тогда. Детективы, вы понимаете? В их глазах никто никогда не посмотрел бы в мою сторону. Никто никогда не даст мне шанс привлечь этих монстров к ответственности. В их глазах, с таким лицом, я бы в своей жизни встречала только преследования и мучения. Мое существование и мои страдания приносили им удовольствие и радость. Они действительно отбросы!

Холодная ярость разнеслась по воздуху вокруг нее. Минг Шу внезапно встал.

Даже если он привык сидеть в присутствии темных и извращенных сердец, он не мог оставаться спокойным перед лицом такой сильной злобы.

— Но я... но я все равно хотела бороться, чтобы выжить, — сказала Ли Хунмэй, вытирая выступившие на глазах слезы. — Я никогда не забуду эти слова. "Знания могут изменить ход судьбы". Я училась так, будто от этого зависела моя жизнь, и в конце концов смогла покинуть уезд Юаньхай и приехать в город Донгье. Когда я приехала в этот большой город, мне показалось, что все изменилось! Мне казалось, что если я буду усердно работать, то смогу спастись. Наконец-то меня увидели! Когда у меня появятся способности, когда у меня будет место в обществе, я обязательно заставлю Ли Шусяня заплатить за его преступления. И отца Ли Шусяня, старосту деревни. И полицию, которая покрывала их преступление. Всех их я бы заставила заплатить!

Комната для допросов была маленькой и узкой, конечно, не настолько большой, чтобы создать эхо. Но Минг Шу чувствовал, как вздрагивающие слова Ли Хунмэй снова и снова отдаются в его голове.

— Но я потерпела неудачу, — сказала Ли Хунмэй, тихо покачивая головой, снова и снова. — Ли Шусян был прав насчет меня. У меня не было ни единого шанса быть увиденной или услышанной кем-то в этом мире. Я только страдала от преследований и мучений. В конце концов я вырвалась на свободу из этой отвратительной деревни, но упала в еще более глубокую пропасть. Большой город — это прекрасно, но я проиграла эту гонку уже на старте. Что у меня есть такого, с помощью чего я могу соревноваться с этими богатыми и красивыми девушками из города? Я проиграла еще при рождении. Вэнь Цзинцзин, Лянь Цяо, Цинь Маньюэ... такие девушки, как они, неужели они лучше Ли Шусяня? Но наконец-то я поняла, что мне нужно делать. С тем, как я родилась, с тем, как я выгляжу, у меня действительно не было шансов быть увиденной или услышанной.

Рот Ли Хунмэй искривился в горькой улыбке.

— И что мне оставалось делать? Терпеть эту пытку всю жизнь и стать посмешищем? Или стать монстром, еще более чудовищным, чем другие монстры в этом мире. В тысячу, в десять тысяч раз чудовищнее их! Это был единственный способ, чтобы вы, люди, наконец-то меня услышали! А мои соседки по комнате, вы хотите сказать, что они не заслуживали смерти? Разве они не

думали о последствиях, когда пытали и унижали меня?!

Когда она закончила, Ли Хунмэй, казалось, потратила всю свою ярость и энергию. Она опустила голову и судорожно втянула воздух, словно задыхаясь.

Минг Шу не мог не задаться вопросом, как бы все сложилось, если бы Ли Хунмэй поступила в колледж и встретила соседей, желающих помочь ей, а не тех, кто только презирал ее и подвергал остракизму.

Стала бы Ли Хунмэй придерживаться своего первоначального плана? Смогла бы она найти свое место в этом мире и продолжить поиски справедливости для своей семьи правильным путем?

Или она бы так и прозябала в одиночестве годами, только чтобы в конце концов понять, что навсегда останется одна в этом мире? И взорвалась бы так же, как она сделала это в этой жизни?

На такие размышления не было ответов.

— У меня есть еще один вопрос, — сказал Минг Шу.

Ли Хунмэй медленно подняла голову.

— Ты знала, что именно Ли Шусянь организовал убийство твоего отца и брата, — сказал Минг Шу. — Когда ты была на пределе своих сил и искала справедливости, ты никогда не думала о том, чтобы отомстить Ли Шусяню напрямую?

— Ты хочешь сказать, — ответила Ли Хунмэй, — что я не должна была убивать своих соседок, чтобы привлечь внимание к преступлениям, совершенным против моей семьи? Ты хочешь сказать, что Вэнь Цзинцзин и другие не заслуживают смерти за совершенные преступления?

— Ответь на мой вопрос, — настоял Минг Шу.

Ли Хунмэй откинула назад голову и разразилась свирепым, безумным смехом.

— Я хочу добиться справедливости для своей семьи! Вы понимаете это? Моя семья была невиновна, все они были хорошими людьми. Я хочу, чтобы Ли Шусянь предстал перед судом за то, что он сделал. Я хочу, чтобы его приговорили в суде. Я хочу, чтобы он признал свою вину, а не был убит мной!

Минг Шу мог ясно видеть манию, ненависть и крайнее страдание, которые поглощали ее.

— Моя жизнь не имеет значения. Я убила людей, и я заплачу за это своей жизнью. Я приму свой приговор! — провозгласила она. Затем она на мгновение замолчала и тихо спросила: — Вы ведь поймаете Ли Шусяня?

— Правда о деле деревни Ся Бэнь обязательно всплывет, — поклялся Минг Шу.

Ли Хунмэй задрожала.

— Спасибо... спасибо.

— Нет, я не приму твою благодарность, — сказал Минг Шу.

Ли Хунмэй подняла голову, ошеломленная.

— Раскрытие преступлений и привлечение виновных к ответственности — это моя работа, мой долг. Мне не нужна благодарность убийцы, — сказал Минг Шу. — Невозможность привлечь убийцу к ответственности за двенадцать лет... это серьезное упущение полиции вашего округа.

<http://bllate.org/book/14859/1321882>